

Моим родителям

Октябрь, 1948

Если в солнечный день подняться по крутой тропинке, ведущей на вершину холма от небольшого деревянного мостика, который тут по-прежнему зовется Мост Сомнений, то вскоре между вершинами двух огромных гинкго завиднеется крыша моего дома. Но даже если бы этот дом и не занимал командной высоты, его все равно невозможно было бы не заметить; он так сильно отличается от остальных, что вам при виде его почти наверняка пришла бы в голову мысль: что за богач им владеет?

Но я вовсе не богач и никогда им не был. Возможно, вы догадаетесь, отчего у этого дома столь импозантный вид, если я признаюсь, что построил его не я, а мой предшественник, а это был не кто иной, как Акира Сугимура. Конечно, если вы прежде в нашем городе не бывали, имя это вам ничего не скажет. Но назовите его любому, кто жил здесь до войны, и сразу узнаете, что лет тридцать назад Сугимура был, несомненно, одним из самых уважаемых и влиятельных людей города.

Итак, вы стоите на вершине холма, любуетесь прекрасными кедровыми воротами, просторным садом с оградой, элегантною крышей, крытой черепицей и украшенной стилизованным резным коньком,

словно указывающим на дивный пейзаж вокруг. И в голове у вас, скорее всего, зреет вполне закономерный вопрос: как же все-таки этому типу удалось приобрести такой роскошный дом, если, по его же собственным словам, средствами он располагает весьма умеренными? Скажу честно: я купил этот дом, так сказать, по номинальной цене; сумма, которую я заплатил, по всей видимости, не составляла и половины его реальной тогдашней стоимости. А возможным это стало благодаря довольно странной — кое-кто, пожалуй, может назвать ее и дурацкой — процедуре, которой семейство Сугимура обставило продажу дома.

С тех пор прошло уже лет пятнадцать. Тогда дела мои как раз шли в гору, благосостояние нашей семьи улучшалось чуть ли не с каждым месяцем, и жена стала давить на меня, требуя подыскать нам новый дом. Со свойственной ей прозорливостью она в два счета доказала мне, почему так важно, чтобы у нас был дом, в полной мере соответствующий нашему теперешнему положению: дело тут не в тщеславии, а в том, что это будет важно, когда придет время выдавать замуж наших дочерей. Я понимал, что определенный смысл в ее аргументах есть, но поскольку Сэцуко, нашей старшей дочке, было всего четырнадцать или пятнадцать, я как-то не считал это дело особо срочным. Тем не менее целый год я прилежно наводил справки, стоило мне услышать о продаже подходящего дома. И тут один из моих учеников обратил мое внимание на то, что продается дом Акиры Сугимур, который вот уже год как умер. Мне показалась совершенно нелепой сама мысль о

том, что я способен купить такой дом, и я отнес ее на счет того преувеличенного уважения, какое всегда испытывали ко мне мои ученики. Но справки я все же навел и получил совершенно неожиданный ответ.

В один прекрасный день ко мне явились с визитом две седовласые дамы весьма надменного вида, оказавшиеся дочерьми Акиры Сугимур. Когда я выразил свое изумление по поводу столь благосклонного внимания к моей персоне со стороны этого выдающегося семейства, старшая из сестер довольно холодно сообщила мне, что дело тут отнюдь не в простой вежливости. В течение предшествующих месяцев, сказала она, очень многие интересовались домом их покойного отца, но семья решила в конце концов отказать всем потенциальным покупателям, кроме четверых, тщательнейшим образом отобранных как на основе особой добродетельности претендента, так и тех достижений, которых ему удалось добиться в жизни.

— Для нас представляет первостепенную важность, — продолжала она, — чтобы дом, построенный нашим отцом, перешел к человеку, которого он сам бы одобрил и счел достойным такого владения. Разумеется, обстоятельства вынуждают нас учитывать и финансовую сторону дела, но это далеко не главное. А потому мы назначили цену...

И тут младшая из сестер, которая до сих пор, можно сказать, не проронила ни слова, протянула мне конверт, и обе с суровыми лицами стали следить за тем, как я его открываю. Внутри был один-единственный чистый лист бумаги, в центре которо-

го была элегантно выведена кисточкой цена. Я уже собрался выразить свое изумление по поводу столь низкой суммы, но по лицам сестер понял, что дальнейшее обсуждение финансовых вопросов будет сочтено бестактным. Старшая, впрочем, пояснила:

— Отнюдь не в интересах любого из вас, четверых, пытаться перебить цену. Мы не заинтересованы в том, чтобы получить что-то свыше указанной суммы. Но все же намерены устроить еще один отборочный этап: аукцион репутаций.

И она объяснила, почему они лично явились ко мне: они желали официально, от лица всего семейства, выяснить, готов ли я подвергнуться — наряду с тремя другими претендентами, разумеется, — дошному расследованию моего прошлого: происхождения, образования, квалификации и мнения обо мне людей, достойных всяческого доверия. Только так, сказала пожилая дама, семья сможет выбрать подходящего покупателя.

Весьма странная процедура, но я не находил в ней ничего особенно отталкивающего; в конце концов, это примерно то же самое, что деятельность сторон, предшествующая заключению брачного контракта. Честно говоря, мне, пожалуй, даже льстило то, что такая старинная, следующая традициям семья сочла меня достойным кандидатом. Когда я дал согласие на проведение подобного расследования и выразил сестрам свою признательность, младшая из них впервые обратилась прямо ко мне.

— Господин Оно, наш отец был человеком высокообразованным, — сказала она. — И с большим уважением относился к художникам. Естественно, он хорошо знал и ваши работы.

А через несколько дней после визита сестер Сугимура я и сам решил кое-что выяснить и узнал, что младшая из них говорила чистую правду: Акира Сугимура действительно был большим поклонником живописи и не раз предоставлял художественным выставкам материальную поддержку. А еще дошли до меня любопытные слухи: похоже, большая часть семейства Сугимура дом продавать вовсе не хотела, и в семье шли жестокие споры. Но в конце концов финансовые проблемы сделали продажу дома неизбежной, и странная процедура, связанная с передачей дома другому владельцу, явилась следствием компромисса, достигнутого противоборствующими сторонами. Бесспорно, все это явно отдавало чрезмерным высокомерием; но что до меня, то я готов был с должным пониманием отнестись к чувствам семьи со столь выдающимся прошлым. А вот жену мою идея подобного расследования отнюдь не обрадовала.

— Да кто они такие, в конце концов? — возмущалась она. — Нет, тебе следовало сказать, что мы не желаем иметь с ними никаких дел!

— Да что тут такого особенного? — успокаивал я ее. — Нам от них абсолютно нечего скрывать. Происхождение у меня самое обыкновенное, состояния никогда не было — впрочем, все это семейству Сугимура наверняка и так уже известно. И тем не менее они почему-то сочли нас подходящими кандидатами, верно? Вот и пусть себе дальше копают. Если что и найдут, так это нам же на пользу и пойдет. Во всяком случае, — особо подчеркнул я, — они не переходят границ обычного расследования,

которое ведется, скажем, перед заключением брачного контракта. Нам, дорогая, пора уже привыкать к подобным вещам.

Меня, пожалуй, отчасти даже восхищала сама идея «аукциона репутаций», как это назвала старшая из дочерей Сугимур. Даже странно, почему подобные аукционы не устраиваются регулярно. Насколько благороднее состязание претендентов, когда на всеобщее обозрение выставлены их высокая моральность и духовные достижения, а не размеры кошелек. Я до сих пор помню, какое глубокое удовлетворение испытал, узнав, что именно меня семейство Сугимур — после тщательнейшего расследования! — сочло наиболее достойным, чтобы купить тот дом, который так им дорог. И конечно же, дом этот стоил того, чтобы ради него немного потерпеть; помимо чисто внешней красоты и импозантности он отличался изысканным интерьером и был отделан лучшими сортами дерева, замечательно подобранными в соответствии с естественной красотой древесных волокон. И впоследствии все мы единодушно пришли к выводу, что лучшего места для отдыха и покоя не сыскать.

Однако высокомерие семейства Сугимур действительно отчетливо ощущалось в течение всей официальной процедуры оформления купли-продажи, а некоторые члены семьи даже не пытались скрыть своего враждебного к нам отношения, и, возможно, покупатель менее понятливый и терпеливый давно бы уже обиделся и плюнул на все. Даже по прошествии множества лет, случайно встретившись с кем-то из членов этого семейства на улице, в ответ на

вежливое приветствие я наткнулся на настоящий допрос: в каком состоянии сейчас дом и какие перемены я осмелился в нем произвести.

Теперь о семье Сугимура редко что услышишь. А вот вскоре после капитуляции ко мне как-то заглянула младшая из сестер, занимавшихся продажей дома. Годы войны превратили ее в тощую болезненную старуху. Что весьма характерно для всех Сугимура, она даже не особенно и скрывала, что ее интересует исключительно то, как дом — а отнюдь не его обитатели! — пережил войну; она лишь весьма кратко выразила мне соболезнование, услышав о смерти моей жены и Кэндзи, и сразу перешла к теме ущерба, нанесенного бомбежками дому. Надо сказать, ее поведение отнюдь не вызвало у меня добрых чувств. Но затем я случайно заметил, с каким жадным любопытством блуждает по комнате ее взгляд, как она вдруг умолкает посреди какой-нибудь тщательно подготовленной и в высшей степени официальной фразы, буквально захлебываясь от переполняющих ее чувств, вызванных тем, что она вновь оказалась в своем старом доме. А когда я сообразил, что большая часть ее родственников с момента торгов уже переселились в мир иной, я почувствовал к ней жалость и предложил ей осмотреть дом.

Дом, разумеется, тоже пострадал от войны. Акира Сугимура пристроил к нему когда-то восточное крыло — три большие комнаты, соединенные с основным зданием коридором, проходившим через сад. Этот коридор просто поражал своей длиной, и некоторые предполагали, что Сугимура специально построил его таким длинным, чтобы, поселив в

восточном крыле своих родителей, держать их подалеже от себя. Впрочем, коридор этот, густо обсаженный кустами, обладал особой прелестью: в полдень на полу его всегда лежали, прихотливо переплетаясь, полосы света и тени, отбрасываемые листвой, и возникало ощущение, что идешь по заросшей садовой дорожке, превратившейся в зеленый тоннель. Так вот, от бомбежек пострадала в основном именно эта часть дома, и, когда мы осматривали ее со стороны сада, я видел, что госпожа Сугимура едва сдерживает слезы. К этому времени раздражение мое, вызванное поведением этой высокомерной старухи, уже улеглось, и я, как умел, успокаивал ее, заверяя, что при первой же возможности устраню все разрушения и дом вновь станет таким же, как и при ее отце.

Обещая ей это, я и представить себе не мог, как долго еще после капитуляции продлятся разнообразные трудности со снабжением. Приходилось порой неделями ждать, когда тебе привезут какую-нибудь одну доску или немного гвоздей. И если мне что-то все же удавалось сделать при подобных обстоятельствах, то, разумеется, в основной части дома — она тоже, к сожалению, пострадала, — а потому восстановление восточного крыла и коридора, тянувшегося через весь сад, продвигалось крайне медленно. Я, правда, постарался сделать все, чтобы избежать дальнейших разрушений, но мы и сейчас еще весьма далеки от того, чтобы снова открыть эту часть дома. Кроме того, теперь, когда мы с Норико остались вдвоем, нам, похоже, и ни к чему так уж расширять жизненное пространство.

Если я сегодня проведу вас в глубь дома и отодвину в сторону тяжелый щит, скрывающий вход в полуразрушенный коридор, некогда построенный Сугимурой, вы, вероятно, все же получите какое-то впечатление о том, сколь живописен он был когда-то. Но, несомненно, заметите и паутину, и плесень, с которыми я не в состоянии постоянно бороться; увидите и огромные дыры в потолке, затянутые кусками брезента. Порой ранним утром я, отодвинув щит, пробирался в коридор и смотрел, как в тоненьких солнечных лучах, пробивающихся сквозь щели и дырочки в брезенте, пляшет пыль, будто потолок в коридоре обрушился только что.

Но если больше всего пострадали коридор и восточное крыло, то и нашей любимой веранде бомбежки тоже нанесли существенный ущерб. Все мы, особенно мои дочери, эту веранду всегда просто обожали; нам нравилось сидеть там, неспешно беседовать, любоваться садом, и когда Сэцуко, моя старшая, замужняя дочь, впервые после капитуляции приехала навестить нас, не было ничего удивительного в том, что она страшно расстроилась, увидев, в каком состоянии веранда. Я, правда, уже успел устранить самые страшные повреждения, но все равно треснувшие во время взрыва доски пола торчали горбом, а крыша сильно протекала, и в дождливые дни приходилось подставлять под струйки тазики.

Впрочем, за минувший год я сумел значительно продвинуться в ремонтных работах, и когда месяц назад Сэцуко вновь приехала к нам, веранда была уже почти полностью восстановлена. Норико по слу-

чаю приезда сестры взяла на работе отгулы, и, поскольку стояла хорошая погода, дочери мои, как когда-то в юности, большую часть времени проводили на веранде. Да и я нередко к ним присоединялся, и все было почти как прежде, как в те годы, когда мы всей семьей сживали там в солнечные дни, ведя неторопливую, порой праздную беседу.

Вот так с месяц назад — кажется, в первое же утро после приезда Сэцуко, — мы сидели после завтрака на веранде, и Норико сказала:

— Я так рада, что ты наконец приехала! Хоть немного снимешь с меня заботы о папе.

— Ты что, Норико...— И моя старшая дочь беспокойно заерзала на футоне.

— Да-да! После того как папа вышел на пенсию, ему требуется гораздо больше заботы, — продолжала Норико с коварной улыбкой. — Его нужно постоянно чем-нибудь занимать, иначе он сразу начинает хандрить.

— Ну что ты в самом деле!..— Сэцуко нервно улыбнулась, вздохнула и, отвернувшись, посмотрела в сад. — А клен, похоже, совсем оправился. Он просто прекрасен!

— Наша Сэцуко, наверно, даже представить себе не может, папа, каким ты стал теперь! — не унималась Норико. — Она помнит только те времена, когда ты, как истинный тиран, только и делал, что всем приказывал. Теперь-то ты стал куда мягче, верно?

Я засмеялся, чтобы показать Сэцуко, что мы всего лишь шутим, но моей старшей дочери от этих шуток явно стало не по себе. А Норико, вновь повернувшись к сестре, еще и прибавила:

— Но постоянное внимание папе совершенно необходимо, иначе он так и будет весь день слоняться по дому и хандрить.

— Она, как всегда, несет чепуху, — вмешался я. — Если я действительно целый день слоняюсь по дому и хандрю, то кто сделал весь этот ремонт?

— Действительно, — сказала Сэцуко и с улыбкой повернулась ко мне: — Дом выглядит просто великолепно! Тебе, папа, должно быть, пришлось немало потрудиться.

— Ничего, для самых тяжелых работ папа людей нанял, — заявила Норико. — Ты, похоже, не веришь мне, Сэцуко? Честное слово, наш папа теперь очень изменился! И его уже не нужно бояться. Он стал таким ласковым, почти ручным...

— Норико, пожалуйста...

— Папа даже еду иногда готовит! Вот уж чему ты никогда бы не поверила, да? Но это чистая правда, и с каждым разом папа готовит все лучше и лучше.

— Норико, по-моему, пора оставить эту тему, — тихо сказала Сэцуко.

— Нет, скажи, папа? Ты ведь и вправду делаешь огромные успехи.

Я улыбнулся и устало покачал головой. Именно тогда, насколько я помню, Норико сказала, повернувшись лицом к саду и прикрыв глаза от солнца:

— Что ж, папа ведь не может рассчитывать на то, что я так и буду без конца бегать сюда и готовить ему еду, когда выйду замуж. У меня и так забот будет хватать.

После этих ее слов Сэцуко, до сих пор задумчиво смотревшая в сад, повернулась, бросила на меня